

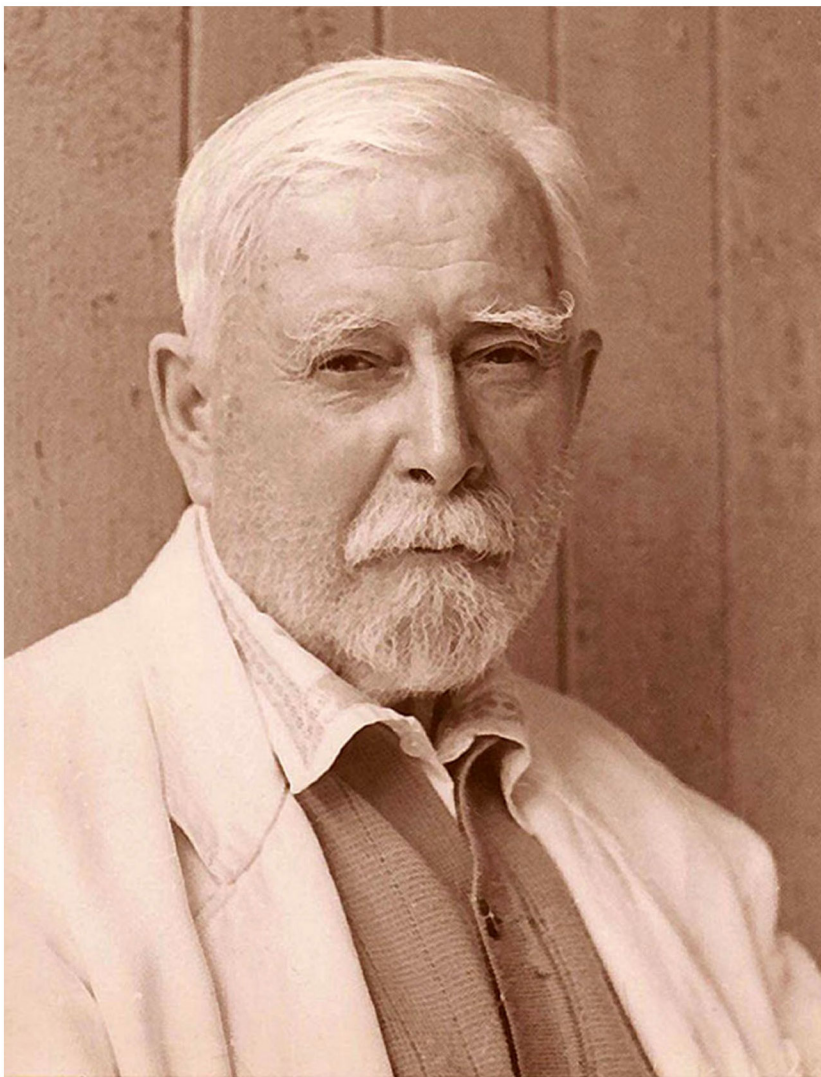

Д. В. НАЛИВКИН

ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ АШХАБАДСКОМ
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ 1948 ГОДА

АШХАБАД • 1989

**АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ГЕОЛОГИИ**

Д. В. НАЛИВКИН

**ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АШХАБАДСКОМ
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ 1948 ГОДА**

Под редакцией
чл.-кор. АН ТССР К. Н. Аманниязова

АШХАБАД. ЫЛЫМ. 1989

Рецензенты

И. В. Богданов, П. Р. Реджепов, С. Ш. Батыров

Н 23 **Наливкин Д. В.**
Воспоминания об Ашхабадском землетрясении
1948 года/Под ред. К. Н. Аманниязова:—А.: Ылым
1989. — 32 с.

Приводятся сведения об Ашхабадском землетрясении с точки зрения очевидца — известного специалиста в области геологии академика Д. В. Наливкина. Материалы брошюры привлекают внимание прежде всего непосредственностью изложения, оригинальностью восприятия событий, искренностью чувств.

Для широкого круга читателей.

ББК 26.21

Н 1803020000 — 040
М 561 (14) — 89 Инф. письмо — 89

ISBN 5—83—38—0202—4

© Издательство «Ылым», 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Академик Дмитрий Васильевич Наливкин—выдающийся ученый, геолог с мировым именем, лауреат Ленинской и Государственной премий, один из основателей Академии наук Туркменской ССР, её почётный академик и депутат Верховного Совета Туркменской ССР. В течение многих лет его научная и организационная деятельность были тесно связаны с развитием науки и производительных сил Советского Туркменистана.

В октябре 1948 года в день страшной трагедии он находился в Ашхабаде на совещании в здании Центрального Комитета Компартии Туркменистана, в кабинете первого секретаря ЦК КПТ Шаджи Батыровича Батырова, и, оказавшись очевидцем одного из сильнейших катастрофических природных явлений века, принимал активное участие в восстановлении города.

В одну из наших встреч я спросил Дмитрия Васильевича, не написал ли он каких-либо воспоминаний об этой трагедии. Он ответил, что кое-что есть и обещал нам их передать. Но вскоре Дмитрия Васильевича не стало. Учитывая его пожелание, воспоминания были переданы нам его сыном—членом-корреспондентом АН СССР В. Д. Наливкиным. В книге имеются неуточненные имена участников этого события, и мы надеемся, что читатели помогут восстановить их, чтобы в последующих изданиях восполнить эти пробелы.

Дмитрий Васильевич очень любил Туркмению, часто вспоминал солнечный край, а Среднюю Азию называл «геологическим раем». При нашей последней встрече он сказал: «Туркмения—прекрасный край, вряд ли я теперь ее увижу, прошу передать мое почтение и низкий поклон этой торжественной земле и ее гостеприимным людям».

Предлагаемые читателю воспоминания ценны не только тем, что это точное описание чувств, переживаний одного из очевидцев землетрясения, но еще и тем, что в них содержатся ценные научные наблюдения уникального явления природы и рекомендации на будущее. Автор рассказывает о силе и мужестве советских людей разных национальностей, объединенных общей бедой, повествует об интернациональном духе дружбы в период возрождения столицы.

К сожалению, эту рукопись мне не удавалось до сих пор опубликовать. В настоящее время я думаю она найдет своего читателя

и будет особенно полезной для молодежи нашей республики. Этот неприятный рассказ — лучшее доказательство дружбы и братской помощи всех народов СССР столице Туркменистана, испытавшей страшное бедствие.

К. Н. Аманниязов

СТРАШНАЯ НОЧЬ 1948 ГОДА

Самолет опоздал и приземлился на ашхабадском аэродроме поздно вечером. Меня встречали. Быстро отвезли в главную гостиницу и поместили в одном из лучших номеров. Лететь целый день было тяжело, я устал и с удовольствием вышел на тенистую улицу подышать свежим прохладным воздухом. Стояла тихая, прозрачная осень, небо было полно необыкновенно ярких звезд. Жители города неторопливо прогуливались под деревьями. Окна домов были открыты настежь. Ашхабадцы наслаждались вечерней прохладой.

Гулять мне долго не пришлось. К гостинице подкатила машина, меня пригласили в ЦК партии, где проходило важное заседание: рассматривался вопрос о Кара-Богаз-Голе. Я пытался сопротивляться, отговариваясь усталостью с дороги, но ничего не помогло, и Карабогаз спас меня. Заседание началось около 12 часов ночи и закончилось около двух. Все начали расходиться, но первый секретарь ЦК Шаджа Батыров задержал меня и других коллег поговорить по вопросам, касающимся Туркменского филиала Академии наук СССР.

Кончили и это дело, встали, начали прощаться — вдруг страшный удар снизу потряс все здание. Посыпалась штукатурка, и все замолкло. Только я успел подумать: «И кому это нужно взрывать Туркменское ЦК», как дом начал качаться. Я обрадовался: значит простое землетрясение, в Ашхабаде их бывает сколько угодно. Через мгновение моя радость исчезла, качание дома стало ужасным, устоять на ногах было

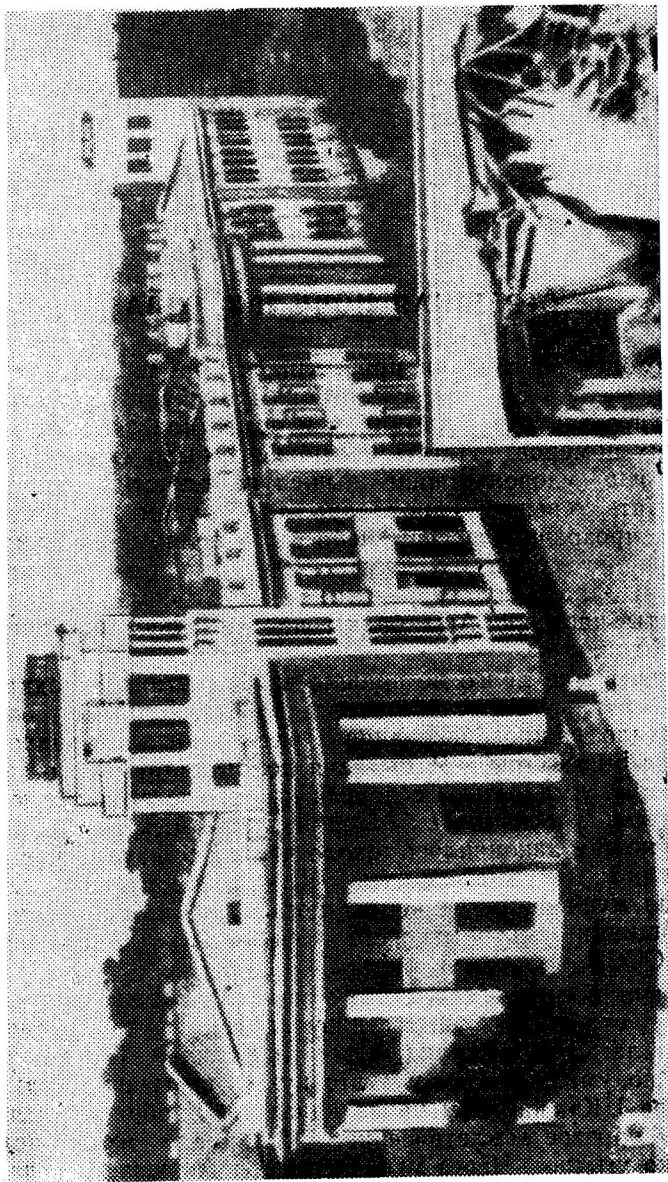

Рис 1. Гостиница «Дом Советов» до и после землетрясения.

трудно, и я бросился к окну, думая, что если потолок будет проваливаться вниз, вскочу на подоконник, в оконный проем — самое безопасное место. Выскакивать в окно нельзя, оно находилось высоко, а внизу каменные плиты. Ухватился за раму, чтобы не упасть на пол, но влезть на подоконник не успел — качание так же быстро кончилось, как и началось. Землетрясение, вернее первый толчок, продолжался несколько секунд, а, может быть, и меньше. В этот страшный момент всякое чувство времени исчезло. Этих нескольких секунд было достаточно, чтобы уничтожить большой город и убить десятки тысяч людей. Я ничего не видел, ничего не слышал, исчезла комната заседания, исчезли все в ней находившиеся, осталось одно чувство — чувство ужасного невероятного качания.

Когда я пришел в себя, то понял, что еще стою у открытого окна и держусь за раму, а за окном было что-то невероятное, невозможное. Вместо темной прозрачной звездной ночи передо мной стояла непрозрачная молочно-белая стена, а за ней ужасные стоны, вопли, крики о помощи. За несколько секунд весь старый глиняный, саманный город был разрушен, и на месте домов в воздух взметнулась страшная белая пелена пыли, скрывающая все.

Оцепенение прервал голос Батырова: «Выходите скорее!». Все мы бросились к двери, в коридор и по лестнице выбежали во двор. Коридор и лестница, как ни странно, были целы, и только груды штукатурки лежали на полу. Дом был антисейсмичным, недавно построенным, и остался как будто целым. Это и спасло нашу жизнь. Позже детальный осмотр показал, что все стены и перекрытия растрескались, местами разошлись, и здание потом было взорвано вместе с другими устоявшими антисейсмичными постройками.

У выхода во двор стояла дежурная девушка-милиционер. Несмотря на все ужасы, она осталась на посту. Когда мы поравнялись с ней, она закричала: «Товарищ Батыров! Что делать?». Он ответил в полный голос: «Бегите за нами!».

Во дворе мы остановились, осмотрелись. Все скрывала белая неподвижная стена пыли. Несколько товарищей побежали домой, к семьям. Я говорю: «Шаджа Батырович, бегите и вы, ваш дом недалеко». «А кто же останется?» — ответил он, и домой пошел

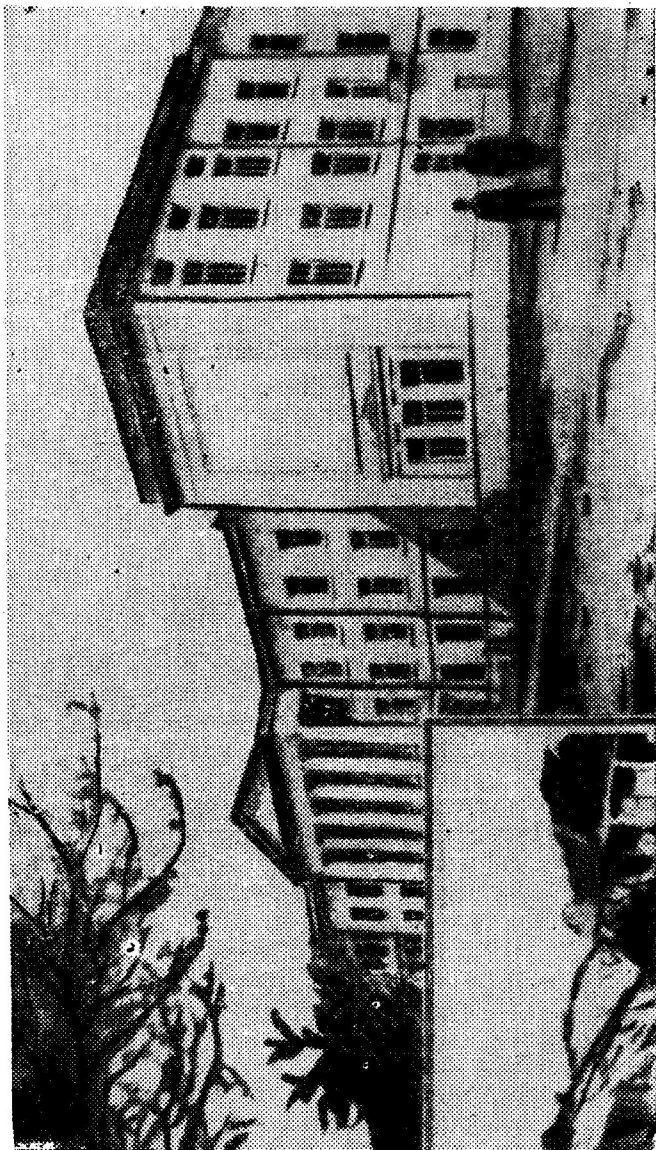

Рис 2. Педагогический институт до и после землетрясения.

только в середине дня. К счастью, в его доме вывалилась только одна стена, крыша осталась целой, и все сумели выбежать. Хотя чудом спасенных были тысячи, для многих попытка спастись обернулась трагедией.

Обычно тяжелая плоская глиняная крыша толщиной около полуметра обрушивалась вниз, раздавливая все, что было в доме. Многие взрослые после первого вертикального толчка успели выскочить из домов, но детей удалось спасти не всем. Ребятишки оставались в кроватках, и число жертв среди них было ужасающим

Прорыв из изоляции

После землетрясения город оказался беззащитным. Исчезла милиция. Те, кто стояли на постах, бросились домой спасать семьи. Те, кто спали в домах и казармах, были раздавлены или ранены. Рядом со зданием ЦК был военный городок. От него тоже ничего не осталось, и число жертв было громадно. Во всем здании ЦК остались только два милиционера — бесстрашная девушка и пожилой сержант, стоящий у ворот.

Начали звонить по телефону. Телефон молчит: телефонная станция не работает. Телеграф разрушен. Железнодорожный вокзал — груда обломков, местами даже рельсы исковерканы. Аэродрома нет, и взлетные площадки разбиты трещинами. Все центральные, районные и местные учреждения уничтожены. Большой город, столица республики, оказался полностью изолированным от окружающего мира и полностью дезорганизованным.

Центром организации новой власти стал ЦК партии. После первого толчка Шаджа Батыров сказал мне, чтобы я остался в саду ЦК, и все дальнейшее происходило на моих глазах. Пожилой милиционер притащил из проходной стол и два стула, поставил их посередине площадки в саду, и этот стол и сидящий за ним товарищ Батыров и явились центром организации новой власти. В здание, хотя оно было почти цело, боялись не только входить, но даже подходить. Примерно через полчаса прибежал второй секретарь ЦК, прибежал в одних трусах, как выскочил из постели. Бежит и кричит: «Где Батыров, где Батыров?». Увидел его

за столом, обрадовался и сразу успокоился. Дома у него все благополучно. Пришел другой секретарь, на глазах слезы. Спрашиваем: «Что?». Говорит: «Раздавило двух сыновей». Скоро начали приходить и прибегать другие работники ЦК. Часа через два на площадке была уже большая группа людей, и с каждым часом она становилась все больше и больше. Партийный центр оказался действительным жизненным центром всего города.

Один из сотрудников ЦК сидел мрачный, не поднимал глаз от земли. Оказывается у него погибла вся семья, и он остался один. Терять ему было нечего, смерть его не страшила. Он решил войти в главное здание, принеся необходимые материалы, списки, появились новые столы и стулья, и работа закипела.

К счастью, единственное, что почти не пострадало, это автомобили, грузовики. Они стояли под открытым небом в легких фанерных гаражах, и потому остались целы. Они и служили в первое время главным видом связи. На грузовиках выехали за город, где железнодорожное полотно и телеграфные провода были целы, и при помощи подвесного телефонного аппарата связались с ближайшим городом. На грузовике с аэродрома приехал легчик и предложил полететь в Краснодарск. Грузовики связывали все части города, доставляли продовольствие, увозили бесчисленные трупы на братское кладбище за городом. Можно без преувеличения сказать, что они были основой всей жизни разрушенного города. При помощи грузовиков шла вся работа организационного центра, стихийно возникшего вокруг ядра ЦК. Легковые автомобили пострадали больше, да и было их мало.

Постепенно связь с окружающим миром была восстановлена, в Ашхабад по железной дороге, самолетами, машинами двинулись эшелоны с войсками, медицинскими отрядами, продовольствием. Первые из них были в городе уже в середине дня. Поражающая изоляция первых часов была разорвана.

Самозащита

В первые часы было не до самозащиты — все думали о спасении заваленных, лежавших и стонавших

под обломками зданий, под крышами и дувалами. Но, как только паника прошла, появились любители легкой наживы, которых в Ашхабаде было много, как и во всяком другом большом южном городе.

В ашхабадской тюрьме — большом, длинном двухэтажном здании сидели две бандитские шайки, только что пойманные. По иронии судьбы у этого здания вывалились только две стены, а охрана частью погибла под развалинами караульной, а частью разбежалась по домам. Бандитам оставалось только выйти из камер по грудам обломков, что они и сделали. Как подобает высококвалифицированным грабителям, они сейчас же бросились за оружием, легко найдя его в развалившемся милицеском участке. В их руки попали даже пулемет и форма милиционеров. Одевшись в милицескую форму, они отправились в центральную часть города громить магазины и, в первую очередь, винный отдел Гастронома.

Напившись, бандиты решили вечером в темноте пробраться в развалины Госбанка, чтобы крупно поживиться. К счастью, они опоздали. Развалины уже охранялись воинами. Это пьяных бандитов не остановило, они бросились в атаку и пустили в ход пулемет. Жители Ашхабада с ужасом вслушивались в беспорядочную стрельбу, оглушающие пулеметные очереди и дикие крики нападающих. Стрельба длилась около двух часов, но подоспевшие воинские подразделения разогнали бандитов. Многие из них были убиты, а оставшиеся в живых принялись грабить население, которое к этому времени уже организовало квартальную самозащиту. Вооружились чем могли: револьверами, охотничьими ружьями, ножами и даже саблями. Благодаря бдительной охране начавшийся грабеж был быстро и жестоко пресечен и организована усиленная охрана города. За любой грабеж — расстрел на месте. Прийдя на следующий день в район, где помещались институты Академии наук, я встретил группу вооруженных сотрудников, охранявших здания и то, что осталось от жилых домов. Походив по дворам, я издали у забора увидел какую-то странную кучу грязной одежды. Спрашиваю: «Что это такое?». Мне радостно отвечают: «А это бандит, шел с мешком награбленного добра. Мы его сразу к стенке, и дело готово». Помогали и дежур-

ные войны, прибывшие к вечеру в Ашхабад из других городов и пограничных постов.

В первые дни землетрясения человеческая жизнь стоила очень немного. К бесчисленным кучкам грязной одежды, лежавшим вдоль краев улиц, прибавить несколько новых было легко и незаметно.

Помню один трагический случай. Патруль из нескольких солдат под командой молодого полковника шел по улице. Во дворе дома они заметили группу подозрительных людей, среди них был человек в форме милиционера, который вел себя как-то странно. Полковник потребовал от него документы. Тот выхватил револьвер и, в упор выстрелив в офицера, бросился бежать. Однако скрыться не успел — его тут же пристрелили. Молодого полковника было ужасно жаль, но еще более жалко было видеть его отца, старого заслуженного генерала, бывшего в это время в Ашхабаде.

Борьба за жизнь

К утру, когда уже рассвело, группа партийных работников, собравшаяся у ЦК, получив задания, разъехалась на работу. Остались только товарищ Батыров, его помощники и я. Подхожу к нему и прошу для себя работы. Но в это время к нему подбежал какой-то полуодетый, лохматый человек и кричит: «Товарищ Батыров, товарищ Батыров, надо организовать медицинскую помощь, пострадавших ужасно много». Батыров обращается ко мне: «Товарищ Наливкин, Вы депутат Верховного Совета, имеете право брать все, поезжайте с доктором и организуйте помощь. Вы хоть и геолог, но все же профессор». Медик обрадовался, что получил в помощники профессора, да еще депутата, потащил меня в сторону, чтобы поговорить о предстоящей работе. Все больницы и госпитали оказались разрушенными. Помощь надо было организовывать на открытом месте, под деревьями. Выбрали парадную площадь города, где стояла праздничная трибуна, и широкий бульвар с большими тенистыми деревьями. Батыров согласился и сразу послал несколько грузовиков по всему городу, чтобы предупреждали, что пострадавших надо вести на центральную площадь. Очень скоро туда потянулись бесконечные вереницы ра-

ненных. Одни шли сами, хромая или придерживая сломанные руки, другие несли на одеялах, третьих везли на тележках, четвертых подвозили на грузовиках. Нашли нескольких врачей, привезли их на площадь. Столов не было, но из развалившихся домов притащили двери, положили их на ящики, и работа началась.

Мы же с доктором на грузовике отправились по развалившимся аптекам и складам за лекарствами, инструментами, бинтами и всем, что нужно для медиков. Приехали в одну аптеку, но все, что в ней находилось, было придавлено массивным глиняным потолком; поехали в другую — то же самое. К счастью, вспомнили об одном большом аптекарском складе в деревянном здании с железной крышей. Приехали туда. Через упавшие ворота въезжаем во двор и с радостью видим, что хотя дом и развалился, но попасть в него можно. Нас встречает пожилой человек, оказывается заведующий складом. Тут мы еще больше обрадовались, начали грузить в машину кипы ваты, свертки марли, бинты, бутылки с разными жидкостями, пакеты с ножницами, скальпелями и другой материал. Самым ценным из них была громадная бутылка из толстого стекла с чистым спиртом.

Ликующие, мы поехали на площадь, где под деревьями собрались уже сотни пострадавших, которых становилось все больше и больше. Громадная широкая и длинная аллея была сплошь заполнена. Доктор, которого я сопровождал, оказался хирургом. Он сейчас же бросился к хирургическим столам, больше я его не видел. Ему принадлежит честь и инициатива организации первой помощи пострадавшим. Его помощь спасла жизнь десяткам и сотням людей.

Я остался на площади, помогая, где только можно. Распределял медикаменты. Скоро пришлось снова ехать на склад, и снова заведующий складом помог чем только мог. Когда вернулся на площадь, с ужасом увидел, что пострадавших стало еще больше, а врачи едва стоят на ногах. Пытался заставить их отдохнуть, но тщетно, отдыхать им не давали, да и сами они отказывались. К счастью, водопровод в городе остался неповрежденным, и воды хватало. Подвезли немного хлеба, достали чаю, подкормили и докторов, и пострадавших, которые были поближе к операционным столам.

Время шло быстро и незаметно, а число пострадавших все росло. «Кучки грязной одежды» — мертвые, не дождавшиеся помощи — лежали среди живых, но на них никто не обращал внимания. Таких кучек в городе было слишком много. Населению было объявлено погибших оставлять на краю дорог: будут ездить грузовики и подбирать трупы. Но в первый день никто их не подбирал — забот было слишком много и с живыми. Только на следующий день за город, на кладбище, потянулись вереницы грузовиков, до самого верха наполненные страшным грузом. Мне они почему-то напоминали наши северные грузовики, вывозившие за город лишний липкий снег.

Вообще, психика людей после землетрясения была своеобразной. То, что в обычных условиях привело бы в ужас и вызвало отчаяние, сейчас не производило никакого впечатления, как на войне во время боя. Я пристроился на пустом ящике под деревом. Все знали, что я — главный «профессор», и передо мною выстроилась целая очередь. Подходит молодой парень, здоровый. Я сначала не мог понять, что с ним. Показывает на голову. Осматриваю — страшный шрам и глаз на ниточке висит на щеке. Говорю: «Придерживайте глаз рукой и идите к хирургу, туда, где режут». Подходит женщина: сквозь рваную, грязную, замазанную землей рубашку торчат острые концы кости сломанной руки. Говорю: «Оборвите рукав, вымойте руку и идите туда, где режут». Подбегает полураздетый мужчина и говорит: «Жена преждевременно рождает». Показываю на жену Ш. Батырова, работавшую вблизи: «Она поможет». И так все идут и идут, и все это кажется чем-то обычным, нормальным: висящие глаза, торчащие кости, кучки грязной одежды, прикрывающие чье-то тело.

Нервное потрясение у многих людей было ужасно и переходило в сумасшествие. Когда мы ехали по городу за медикаментами, встретили полураздетую женщину. Она шла посреди дороги, прямо на машину, дико смеялась, стонала, рвала на себе волосы. Спрашиваем шофера, что с ней. Он говорит: «Сошла с ума». У нее раздавило всех детей. На следующий день встречаю своего заместителя по филиалу Академии наук, смотрю, он тоже ненормален: никого не замечает, что-то бормочет, плачет. Оказывается, и у него погиб единственный

сын. Таких полусумасшедших в городе было довольно много. На них особого внимания не обращали, а дня через два-три они пришли в себя.

К счастью, не все пострадавшие были такими тяжелыми. Смотрю, двое мужчин несут кровать, на которой лежит женщина. Принесли, поставили под дерево в тень и направляют ко мне. Приглядываюсь — это старший научный сотрудник Академии наук, один из крупнейших ботаников Средней Азии. Подхожу к ней, расспрашиваю. Оказывается, упавшая балка потолка немного повредила ногу. Говорю: «Принесли поздно. Народу очень много, придется подождать. Скоро приедут медики из Чарджоу и Мары, тогда осмотрят». Позже узнал, что осмотра она так и не дождалась, и ее снова унесли домой. К счастью, все обошлось, остались только тяжелые воспоминания.

Медицинская помощь действительно скоро подоспела. Смотрю, на площадь въезжает легковая машина, за ней другая, медицинские фургоны, грузовики. Едут прямо ко мне, к трибунам. Из легковой машины выходят член ЦК и мужчина в белом халате, подходят ко мне: «Ну вот, товарищ Наливкин, вам приехала смена, первый отряд из Мары». Здороваюсь с докторами, спрашиваю есть ли у них все необходимое. Число пострадавших их поразило, но медлить они не стали. Поставили походные операционные столы и сразу взялись за дело.

Через час приехала другая партия медиков из другого соседнего города, затем третья. На самолетах прилетели военные хирурги из Ташкента, Баку, Тбилиси. Места под деревьями не хватало, заняли всю громадную парадную площадь. Солнце уже садилось, стало прохладно, а пострадавших все несли и несли со всех концов города. Стало ясно, что надо работать всю ночь. Подъехавшие в Ашхабад воины были снабжены прожекторами. Их расставили на площади. Операции продолжались непрерывно, до утра.

Ночевал я в саду вместе с семьей Батырова. Утром прихожу — пострадавших стало меньше и только грузовики все еще доставляли раненых. Случайно зашел за трибуну, смотрю — какая-то странная громадная куча из каких-то непонятных сероватых и красноватых предметов. Подхожу ближе, всматриваюсь, и с ужасом вижу, что это отрезанные руки и ноги, куски мяса,

обломки костей — страшный апофеоз землетрясения. Невольно на память пришла известная картина Верещагина «Апофеоз войны» — громадная пирамидальная куча оскаленных, разбитых черепов. Куча за трибуной была не менее ужасна.

Подхожу к хирургам из Грузии: «Ну как?». Говорят: «Невероятно, ничего подобного мы никогда не видели. Даже во время самых сильных боев на фронте было легче. Там раненых подвозили постепенно. Здесь на нас сразу обрушились сотни раздавленных, разорванных людей, засыпанных землей и глиной, с такими страшными ранами, каких на фронте не бывало». От всего сердца и имени Верховного Совета я поблагодарил ташкентских, бакинских, марыйских, чарджоуских, красноводских врачей за помощь пострадавшим ашхабадцам.

Через день площадь и бульвар уже были пусты. Увезли и страшную кучу. Только куски грязной, окровавленной одежды, валявшейся под деревьями, и темные, кровавые пятна на трибуне напоминали о мужественном бое, бое за жизнь человека, за жизнь сотен и тысяч искалеченных ашхабадцев.

Заботы города

Когда часа через два после первого толчка вокруг Батырова собралась группа членов ЦК и других партийных работников, первый вопрос, который они задали, был: «А как с водой?». Кто-то бросился к водопроводному крану в саду, повернул вентиль. Из крана потекла прозрачная и холодная вода. Все облегченно вздохнули: значит водопровод цел.

Вторая важная проблема — снабжение хлебом — также разрешилась благополучно. Склады с мукой все развалились, но мука, к счастью, была в мешках и уцелела. Здание хлебозавода развалилось, но печи остались целыми. Помогли и воинские подвижные хлебопекарни, и уже в конце первого дня появились грузовики с первым хлебом. Раздавали его бесплатно.

В первый день после землетрясения деньги вообще потеряли всякую цену. На них нечего было купить и никто их не требовал. Всем пользовались бесплатно. Приблизительно так же было и на второй день. К бесплатной выдаче хлеба прибавились еще бараньи

туши. Громадный холодильник у железной дороги почти не пострадал: у него вывалились две стены, стоявшие против направления подземного толчка. Стены же, стоявшие по направлению толчка, сохранились, сохранилась и крыша. Выдача туш была организована войсками.

В садах появились самодельные печи, загорелись огни, и везде запахло жареной и вареной бараниной. Это тоже здорово поддержало.

На третий день появились досчатые и фанерные будочки с продавцами и весами. Деньги снова пошли в ход. Торговля восстановилась. Из окрестных селений пострадавших сравнительно мало, подвезли зелень и фрукты, и базар понемногу заработал.

Жизнь города переместилась в сады, совершенно не пострадавшие. Под открытым небом все спали, тут же ели, читали и даже начали работать некоторые особо нужные учреждения: сберкассы, почта, телеграф, продуктовые ларьки, керосиновые ямы и первые восстановительные партийные и общественные организации. Появились даже первые милиционеры, правда очень мало. Охрана все еще была в руках военных, расположившихся в городских садах и скверах.

Но основной работой все еще были раскопки. Раскапывали все и, в первую очередь, трупы, начавшие разлагаться. Их было так много и запах был так ужасен, что по некоторым улицам и у некоторых зданий невозможно было идти. Здесь раскапывали в противогазных масках. Откапывали и имущество, отбирали кирпичи для будущего строительства, пытались спасти все, что возможно. Спасали и учреждения. Сотрудники разбирали упавшие крыши и стены, уносили в сторону мусор, стараясь достать бумагу, мебель, аппаратуру. Спасли очень немного. Все было завалено кирпичом и неизвестно откуда взявшимся мусором.

На второй день я пошел в гостиницу, попытался найти оставленные в номере вещи. Меня предупреждали, что гостиница сильно пострадала. Подхожу, здание вроде бы цело, но от башни, где был мой номер, нет и следа. Часть стен вывалилась наружу, потолок и пол вывалились вниз, образовав громадную кучу мусора. Своих вещей я так и не нашел. Кроме ключа от номера в кармане, ничего не осталось.

Оглядел еще раз гостиницу. В одном из разрушенных

номеров вижу—железная кровать, а на ней голые ноги раздавленного потолком человека.

Все шесть дней, которые я прожил в Ашхабаде, я провел в семье Шаджи Батырова, окруженный сердечной заботой всей его семьи. В семье Батыровых никто не погиб, но ужасный запах проникал в их сад из соседнего двора. Я спрашиваю у девочек, кто у них погиб. Они спокойно отвечают, что погибли приятельница семьи и одноклассница Женя, спящая на чердаке: ее раздавило крышей, раздавило сразу, она даже не кричала. Смерть все еще оставалась чем-то нормальным, обыденным, не заслуживающим особого внимания.

Ужасный запах облегчил поиски погибших. На пятый день легкий ветерок унес его последние остатки, и жизнь города начала входить в норму, выдали даже зарплату из спасенных фондов Госбанка. Правда, расходовать ее было некуда, но сам факт выдачи денег был необыкновенно приятен и внушал уверенность и устойчивость.

Везде начали строить будочки, шалаши, сарайчики и солидные сараи, появились раскопанные столы и стулья, железные кровати. Сколько людей было раздавлено на них, хотя сами они уцелели. Уцелели, дети, поспевшие спрятаться под этими кроватями. Хорошо сохранились роаля, и под ними спаслось несколько человек.

Помню какое было ликование, когда на пятый или шестой день вдруг вечером зажглось электричество. Однако телефон все еще бездействовал. Но связь между главными учреждениями военные установили уже на второй день. Еще раньше войнами была возобновлена прямая связь с центром по радиотелефону. Вообще помощь Ашхабаду со стороны Красной Армии была внешне незаметна, но по существу значительна.

Уже на третий день вокзал был очищен от развалин, движение по железной дороге восстановлено. Первые пассажирские поезда везли в город только техников, строителей и людей, которые могли помочь в восстановлении города. Первый поезд из Ашхабада увез всех жителей гостиницы, ютившихся на земле в скверике напротив здания, всех приезжих и семьи, попавшие в беспомощное положение.

Первый страшный толчок был во втором часу ночи. Второй последовал в 6 часов утра, третий в 10 часов

утра. Далее толчки следовали один за другим, постепенно ослабевая. Они до того напугали людей, что даже смельчаки боялись входить в полуразрушенные и почти целые сооружения. На третий день толчки стали неощутимы, к ним стали привыкать. Меня вызвали в ЦК и стали спрашивать — можно ли ожидать повторного землетрясения. Цикличность землетрясения мне была хорошо известна, и я успокоил их, сказав, что подобные разрушительные толчки повторяются через несколько десятков лет, и Ашхабаду в ближайшем будущем бояться нечего. Не знаю поверили мне или нет, скорее не поверили, но все же просили как главного ученого города, всем известного, выступить по громкоговорителю перед населением. Погрузили меня на все тот же незаменимый грузовик, дали в сопровождающие нескольких киноспециалистов. Ездили по городу несколько часов, слушателей была масса. Боязнь зданий понемногу стала проходить. Выступал я и на следующий день. Не то мне поверили, не то уже просто привыкли к толчкам, но повсюду закипело стихийное и самодельное строительство. Люди стали спокойнее. Жизнь стала входить в обычную колею.

Разрушения и жертвы

Разрушения и жертвы были ужасны и невероятны. Большой, красивый, утопающий в зелени город в основном состоял из одноэтажных прочных глинобитных или кирпичных домов. Землетрясения в нем повторялись часто, и при строительстве на них рассчитывали. Двухэтажными были только правительственные здания или учреждения сравнительно молодые, построенные антисейсмическими. Многие из них действительно устояли, но дали так много трещин, что их потом пришлось взорвать. Было взорвано и здание ЦК, которое спасло мне жизнь. Жилые дома и домики были полностью уничтожены. Город надо было строить заново.

Через несколько дней после первого толчка мне пришлось летать на военном самолете над городом и изучать аэрофотоснимки города. Картину более полного разрушения невозможно себе представить. Между правильными линиями улиц, среди темных пятен зелени везде были страшные, однообразные, серые кучи мусора и обломков. Изредка выглядывали сохранившиеся двухэтажные здания. Квартал за кварталом одна и та же

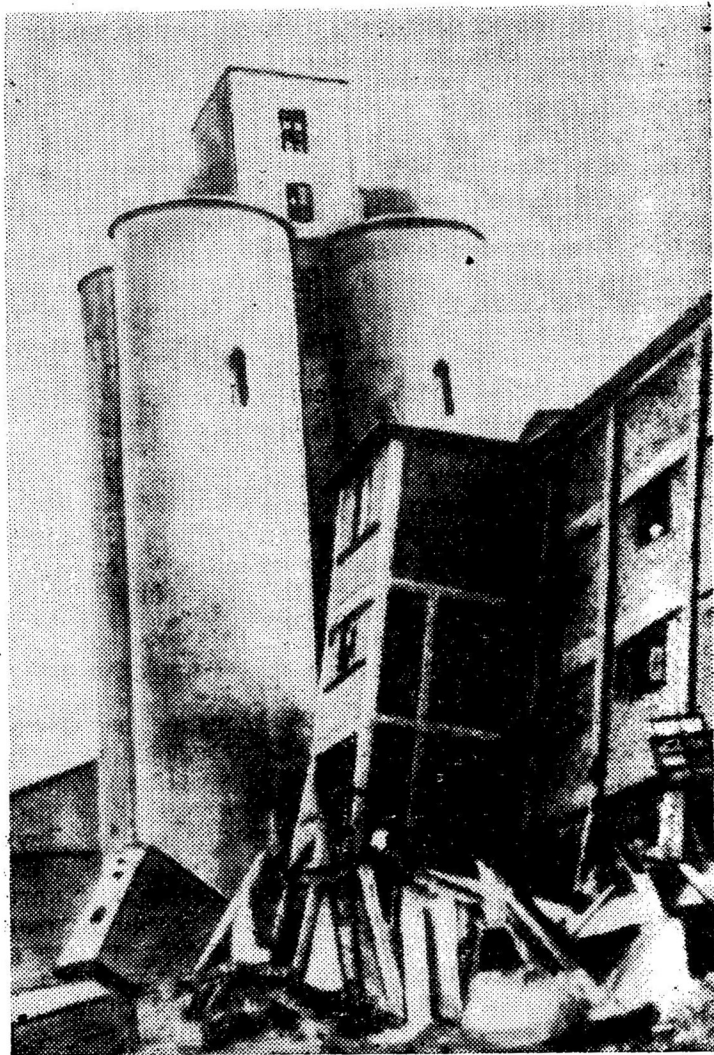

Рис 3. Округлая башня элеватора не пострадала.

картина. Смотреть на снимки было жутко и тяжело. Разрушение было полное.

Число человеческих жертв осталось точно не

подсчитанным, да и это было невозможно. Но цифра эта была ужасающей.

Разрушения города детально изучались рядом учреждений и экспедиций из других городов. Был собран обширный материал, послуживший основой для проектирования новых зданий, нового города.

Основной вывод — наиболее устойчивыми были здания, которые при качании не распадались на отдельные части. В первую очередь таким свойством обладают цилиндрические и куполообразные сооружения. Народная мудрость подметила это давно. Все наиболее высокие здания—минареты и мавзолеи—были цилиндрическими и куполообразными. Кругом все разваливалось и разрушалось, но минареты громадной высоты оставались стоять среди руин. В Ашхабаде такого типа был городской музей — бывшая бехаистская мечеть. Цилиндрическое сооружение, увенчанное куполом, выстояло. Остались невредимыми и другие цилиндрические сооружения — общественные уборные, довольно большие постройки из саманного кирпича. Было даже странно: большие прочные дома превращены в руины, а среди них красуются цилиндрические уборные. К сожалению, архитекторы не обратили на них внимания. Они не учли народной мудрости — в новых проектах цилиндрические сооружения отсутствуют.

У обычных прямоугольных зданий самым слабым местом оказались углы. Если углы специально скреплены, здание, даже двухэтажное, почти не разрушается. Но таких зданий было мало, в основном они были заняты учреждениями. У жилых домов таких скреплений не было, и поэтому они полностью разрушались, унося тысячи жизней.

На второй день после землетрясения сотрудники по филиалу Академии наук шли как-то боковой улочкой. Смотрю, разрушенный одноэтажный саманный дом. Наружная стена вывалилась наружу, открыв комнату. В комнате железная кровать, а на ней голые ступни, сам человек завален массивным глиняным тяжелым потолком. Мой спутник говорит: «Это наш лучший специалист по фольклору Туркмении». С ужасом вспоминаю невысокую, приятную, уже пожилую женщину. «Завтра и будем раскапывать, сегодня некогда» — сказал мой спутник.

У более прочных зданий вывалились только две стены, расположенные поперек направлению толчка,

Рис 4. Сохранившееся округлое сооружение в районе эпицентра.

который шел с юго-востока. У таких зданий нередко крыша оставалась на месте, как у тюрьмы, холодильника и ряда других зданий.

Много людей погибло под сводом одноэтажного здания недалеко от вокзала. На рассыпавшихся стенках ужасным грузом лежала двухскатная громадная тяжелая крыша. Под ней среди мусора лежало около двадцати ответственных железнодорожных работников, проводивших какое-то ночное заседание. «Очень тяжелая и крепкая крыша, никак не поднять, ждем военных», ответили мне.

Страшная картина наблюдалась в развалинах большого длинного двухэтажного здания, в котором размещался госпиталь. При первом же толчке под руинами двухэтажного здания оказалось более двухсот человек.

Землетрясение произошло глубокой ночью, когда огни везде были погашены. Поэтому пожаров было очень немного, но все же они были. В полуподвальном помещении одного из учебных заведений располагалось общежитие, где жило около шестидесяти студенток. Они еще не спали: готовили что-то. Здание развалилось, выход

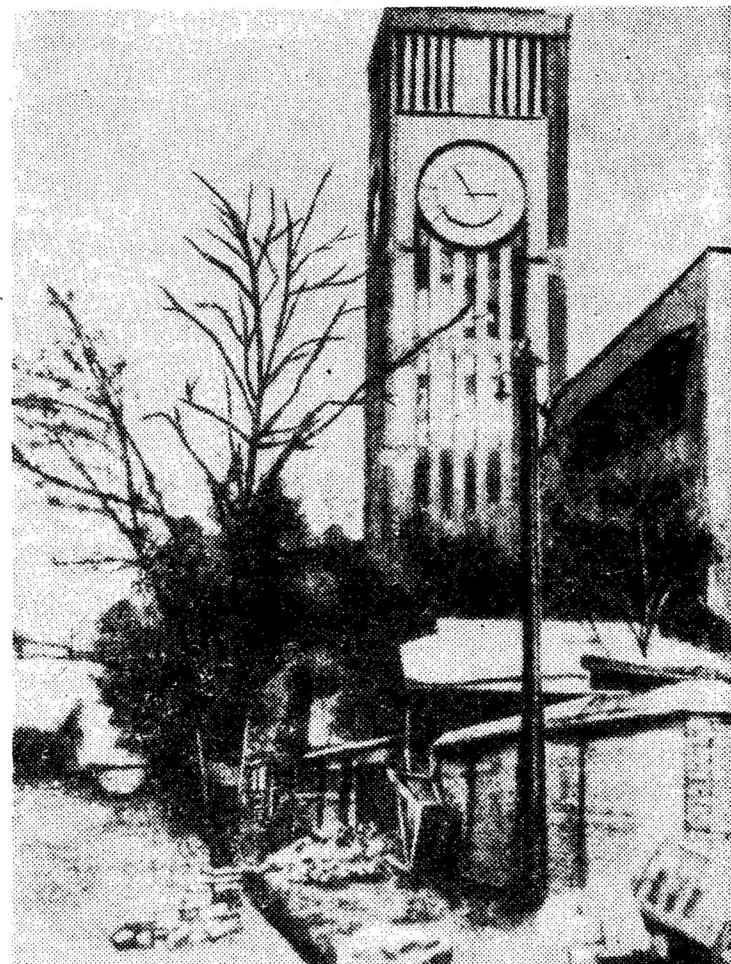

Рис. 5. Корпус и башня текстильной фабрики пострадали сравнительно мало.

из общежития засыпало. Огонь из печки распространился на пол и перегородки и, хотя помещение осталось целым, оно выгорело и с ним сгорели все студентки. Это было одним из самых ужасных зрелищ во время землетрясения.

Происшествий, связанных с разрушениями, было

очень много и самых разнообразных – трагических и трагикомических. В одном из домов первый вертикальный толчок сбросил двенадцатилетнего мальчика с кровати. Он закатился под рояль, и когда потолок обвалился, рояль уцелел, и мальчик остался жив. В другом разрушенном доме уцелела девочка под массивным обеденным столом, у которого обломались две ножки, но две другие уцелели.

В филиале Академии наук, где я был председателем совета, погибло много ученых. Особенно жалко было одного видного специалиста по гидрогеологии, исключительно талантливого человека с выдающимися математическими способностями. Его раздавило вместе с дочерью. Погиб и другой выдающийся ученый-геолог, всю жизнь отдавший изучению южных областей Союза. Незадолго до землетрясения он переехал в Ашхабад на постоянную работу. Жил он с женой в бывшей персидской молельне — громадной и высокой комнате. Толстая балка с потолка упала поперек кроватей. Они, возможно, погибли во сне еще во время вертикального толчка.

С одним доктором наук был не менее трагический случай. Его семья, да и он сам, летом обычно спали в саду на ковре. Самого хозяина не было дома, а жена подтащила ковер к самому забору, в тень от солнца. Забор был глиняный, массивный, очень высокий и тяжелый. Во время колебаний он обрушился и раздавил всю семью. Таких смертей от упавших глиняных заборов-дувалов было много, и они были совершенно неожиданны.

К счастью, сама земля на территории города не трескалась, и смертей в трещинах не было. Не было и оползней, в других городах уничтоживших сотни людей.

Сильные разрушения были вызваны качанием, поверхность земли изгибалась, подобно волнам на поверхности воды. Причем чем выше и уже волна, тем сильнее колебание. Земные сейсмические волны образуются часто. Это обычное явление. Но они всегда очень пологие и широкие. Поэтому вызываемые ими колебания почти или совсем не заметны.

Место образования ашхабадского толчка располагалось всего в 30 км к юго-востоку от города, у селения Карагаудан. Толчок был очень сильным и близким, поэтому вызванные им волны были узкими и высокими. Это и явилось причиной страшных разрушений. У всяких

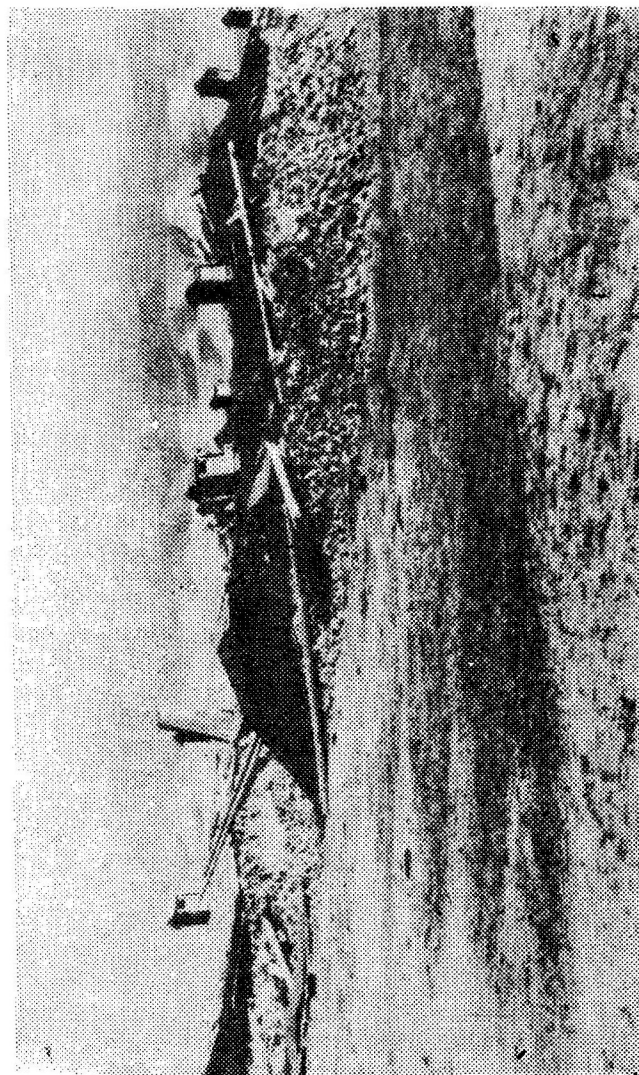

Рис 6. Поселок Карагаудан, эпицентр землетрясения.

волн есть зоны усиления и ослабления. Были они и в Ашхабаде. В центре города их плохо видно, но на окраинах было хорошо заметно, как пояса сильных разрушений передавались с поясами, где разрушения были слабее, а иногда почти отсутствовали.

Заслуживают внимания движения, связанные с первым вертикальным толчком. Они выражались в подбрасывании вверх и вбок тяжелых массивных предметов, свободно лежавших на земле. Дома и другие строения, связанные с землей, не перемещались, но штукатурка в них осыпалась. Зато большой и тяжелый шар, лежавший на цементном постаменте и сам сделанный из цемента, был подброшен в воздух и смещен вбок на несколько метров. В другом сквере на высокой подставке стоял металлический тяжелый бюст Пушкина. Его тоже отбросило в сторону на несколько метров. Но самые интересные наблюдения сделаны были за городом, где располагалась техника. Громadne тяжелые машины стояли строго в ряд. Толчок подбросил их в воздух и сместил в сторону на один-два метра. Остается только поражаться, как мало было смещений и перебросов более легких предметов и как мало разрушений сопровождал первый вертикальный толчок.

Можно сказать, что почти все разрушения произошли за несколько секунд волнообразных колебаний, последовавших за вертикальным толчком. Второе сотрясение в 6 часов утра тоже было очень сильным, но значительно слабее первого. Оно только разрушило те строения, которые остались стоять после первого сотрясения. Последующие многочисленные сотрясения, наблюдавшиеся в течение нескольких последующих дней, уже разрушений не приносили и жертвами не сопровождалась. Толчки, их вызывавшие, были незаметны, и им предшествовал только отдаленный грохот, как от далекой грозы или пушечной канонады, но и грохот был ясно слышен только в первый день.

Причины землетрясения

Выяснением причин землетрясения занимались несколько экспедиций, приехавших в Ашхабад через несколько дней после первого толчка. Они детально изучили все окрестности города и со своей задачей справились хорошо.

Вдоль подножия Копетдага образовался большой

разлом земной коры. По этому разлому одни пласты надвинуты на другие. Подобные движения время от времени повторяются. Каждое движение сопровождается землетрясением. Если движение небольшое, то небольшое и землетрясение. Многочисленные, обычно слабые землетрясения Туркменистана почти всегда связаны с движениями по Копетдагскому разлому. Естественно, что экспедиции в первую очередь поехали к нему. Но здесь их ждала неожиданность — никаких движений по разлому не было. Причина землетрясения была какой-то особенной.

Стали осматривать все наиболее пострадавшие местности и у селения Карагаудан обнаружили совершенно необыкновенное явление. Благодаря боковому давлению слои земной коры начали изгибаться и образовали небольшую выпуклую округленную складку. Такие складки называются антиклиналями. При образовании антиклиналей, то есть при изгибе твердых слоев земной коры, в них, конечно, возникают значительные напряжения. Чем больше изгиб, тем больше напряжение, и в конце концов слои их не выдерживают и разрываются. Разрыв сразу вызывает землетрясение.

При осмотре Карагауданской антиклинали оказалось, что она разорвалась на несколько частей, отделенных друг от друга очень глубокими, но узкими трещинами. Антиклиналь превратилась в разбитую тарелку. Трещины были очень хорошо видны на поверхности земли, некоторые из них были даже открытыми, зияющими. К счастью, в них никто не провалился. Потом они закрылись. Разрыв Карагауданской антиклинали и был причиной ашхабадского землетрясения.

Кроме образования трещин, это подтверждается направлением сейсмических волн, шедших из Карагаудана, и тем, что в Карагаудане сила толчка была значительно сильнее, чем в Ашхабаде. Бревенчатые срубные дома в Ашхабаде почти не пострадали, а в Карагаудане были разбросаны по бревнам. Разрушения в селении были еще сильнее, чем в городе. Наблюдения при помощи специальных аппаратов-сейсмографов показали, что Карагауданские разломы уходили вглубь на несколько километров.

Молодые современные складки-антиклинали в земной коре сравнительно редки. Еще более редко напряжения в них достигают такой силы, что складки разрываются, разламываются. Поэтому ожидать повто-

Рис 7. Трещины в слоях земли в эпицентре.

рения ашхабадского землетрясения такой силы нет никаких оснований.

Другое дело подвижки по громадному предкопетдагскому разлому. Они происходили постоянно, как это показывают те же сейсмографы, но были ничтожны, и землетрясения, вызываемые ими, очень слабы, иногда незаметны. Только изредка движения более значительны и вызывают землетрясения больших размеров, но и

они слабее ашхабадского, вернее Карагауданского землетрясения.

Волны, возникающие в земной коре и вызывающие землетрясения, называются сейсмическими или просто сейсмами. Аппараты, их улавливающие, — сейсмографы. Пункты, где расположены сейсмографы, называются сейсмическими станциями. Наука сейсмология, специалисты — сейсмологи. Число сейсмических станций по всему земному шару достигает нескольких тысяч, еще больше число сейсмологов, тем не менее ряд важнейших вопросов, связанных с землетрясениями, до сих пор остаётся загадкой.

Сейсмографы определяют, что у каждого землетрясения есть центр, из которого расходятся сейсмические волны. Он называется эпицентром. Известны десятки тысяч эпицентров. Они располагаются внутри земли на самых различных глубинах, чаще всего на глубине от нескольких километров до немногих десятков километров. Но есть глубинные землетрясения с эпицентрами на 200—300 км, изредка даже на 600—700 км.

Что происходит в этих эпицентрах, что они представляют до сих пор остаётся загадкой.

Эпицентр Карагауданского землетрясения расположен неглубоко, и, весьма вероятно, что разломы, трещины, расколовшие антиклиналь, проникают на эту глубину.

Много ещё тайн хранит в себе земная кора, к их числу относится и тайна образования землетрясения. Что делается на поверхности земли, мы видим и знаем, но что таят в себе глубины земной коры — пока загадка.

За последние годы высказано очень интересное предположение, что основной причиной напряжений, возникающих в земной коре, служит вращение земли. Это предположение обосновывается математическими расчетами и, безусловно, заслуживает серьезного внимания. Если принять положение, что напряжения в земной коре создаются вращением земли, то и тогда переход напряжения в разрыв будет обусловлен местными условиями — карагауданской антиклиналью.

Землетрясения прошлого

Большие катастрофические землетрясения повторяются редко, через многие сотни, иногда тысячи лет. При этом они не повторяются точно в том же месте, но несколько сдвигаются в сторону.

Недалеко от Ашхабада, у сел. Аннау, несколько сот лет тому назад было построено громадное красивое здание типа величественного мавзолея. Оно благополучно просуществовало сотни лет, но ашхабадское землетрясение 1948 г. сравняло его с землей.

Из этого следует, что такого сильного землетрясения, как в 1948 г., в Ашхабадском районе не было не меньше нескольких сот лет. Возможно, его не было значительно больший промежуток времени.

По другую сторону Ашхабада, недалеко от подножия Копетдага, находятся развалины древнего городища Ниса, существовавшего около двух тысяч лет назад. Город погиб в результате страшного разрушения, сопровождавшегося местными пожарами.

Таких древних городов, внезапно прекративших свое существование, в Средней Азии много. Археологи обычно считают, что они погибают в результате нападения врагов. Вероятно, в ряде случаев так оно и было, но нет сомнения, что полное уничтожение больших городов связано и с катастрофическими землетрясениями.

Подобные землетрясения редки, но они существуют, и нашим археологам следует это учитывать. За последние годы выпущено довольно много обзорных и популярных книг по истории городов Средней, Центральной и Малой Азии, но ни в одной из них даже словом не упоминается о землетрясениях. Будем надеяться, что в ближайшем будущем этот пробел будет восполнен, хотя задача эта достаточно сложная.

Стены домов разграбленного города хотя и остаются стоять, но через несколько столетий уничтожаются выветриванием и размыванием не хуже, чем землетрясением. Груды мусора, остающиеся после землетрясения, тоже выветриваются и размываются, почти сравниваясь с землей. Потому у разграбленного города даже через несколько столетий очертания стен хорошо видны. От города, уничтоженного землетрясением, остаются только очертания улиц, дома превращаются в едва заметные холмики.

Различен и состав погребённого материала. В комнатах разграбленных зданий остаются только малоценные, обычно поврежденные предметы. Землетрясение погребает и ценные и малоценные предметы.

При раскопках Парфянского города Ниса, близ

Ашхабада, в одной из комнат большого здания на полу среди мусора было найдено довольно большое количество ритонов, ритуальных сосудов, сделанных из слоновой кости и представляющих большую ценность. Если бы Ниса была разграблена, их унесли бы в первую очередь. Более естественно предполагать, что Ниса была уничтожена и засыпана катастрофическим землетрясением. Землетрясения в Нисе от землетрясения в Ашхабаде отделяет промежуток, примерно, в две тысячи лет. Следующее катастрофическое землетрясение в районе Ашхабада, возможно, последует еще через две тысячи лет. Что будет тогда на месте Ашхабада — сказать трудно.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Страшная ночь 1948 года	5
Прорыв из изоляции	9
Самозащита	10
Борьба за жизнь	12
Заботы города	16
Разрушения и жертвы	19
Причины землетрясения	26
Землетрясения прошлого	29

Дмитрий Васильевич Наливкин

**Воспоминания об Ашхабадском землетрясении
1948 года**

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета АН ТССР

Редактор С. П. Карашинская
Художественный редактор А. Б. Эсенов
Технический редактор М. С. Кемаева
Корректор Б. П. Бяшимова

Сдано в набор 19.12.88 г. Подписано в печать
21.06.89 г. И — 02746. Формат 84×108 1/32.
Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Высо-
кая печать. Усл. печ. л. 1,68 Усл. кр.-отт. 1,89.
Уч.-изд. л. 1,54. Тираж 2000 экз. Изд. № 224.
Заказ № 5675. Цена 20 к.

Издательство «Ылым» АН ТССР. 744000,
Ашхабад, ул. Энгельса, 6.

Типография АН ТССР. 744012, Ашхабад,
ул. Советских пограничников, 92а